

Он пил квас из горлышка литровой пластиковой бутылки, прижав её к вытянутым губам, удерживая левой рукой, которая подрагивала в такт глоткам. При всём его старании, немного коричневой пенящейся жидкости вытекало из правого угла перекошенного рта, теряясь в щетине густой бороды, выныривая около дёргающегося, поросшего такой же жёсткой растительностью кадыка, и дальше стекало мимо него тонким прерывистым ручейком, исчезая в районе яремной ямки, скрытой несвежей больничной рубахой, оставляя на ней мокрое пятно. Веки были плотно сомкнуты, ресницы подрагивали. Правая рука безвольно свисала с вывернутой вверх ладонью, лежащей на одеяле, оттягивая вниз плечо.

Валера пил квас не дыша, как человек, испытывающий жажду, затаив дыхание. Наконец он со всхлипом оторвался от бутылки, держа её перед губами, и глубоко вздохнул подряд раза три, восстанавливая кислород в крови.

— Хорошо-то как,— прошептал он.

В это время заглянувшая в палату санитарка увидела, как Валера что-то пьёт из бутылки, и громко сказала, навверное, обращаясь ко мне:

— Не надо его поить! Обоссется же!

Она хлопнула дверью и исчезла.

Валера отодвинул горлышко бутылки подальше от губ, скосил глаза на дверь, в которую только что заглядывала санитарка, и тихо матюгнулся.

— Вот же б...дь, чуть весь кайф не сломала,— бормотнул он и подал мне недопитую бутылку.— Пусть остатки поостоят, спрячь в тумбочку.

Я послушно, без комментариев, поставил бутылку в прикроватную тумбочку, почему-то расположенную со стороны ног.

— Сейчас отдохну и ещё попью,— еле слышно сказал Валера и замолчал.

Отступление первое

Операцию на черепе Валера перенёс хорошо. Голова не болела, только немного давила повязка, где-то в районе затылка. Он лежал на больничной койке, повернув лицо к стенке. Глаза были полуприкрыты и неподвижны. Забинтованная голова утопала в продавленной подушке. При этом его тело оставалось на спине. Издалека могло показаться, что ему свернули шею, но грудь мерно и неглубоко вздымалась в такт дыханию. Валера впервые почувствовал, как он умирает, медленно и неотвратимо. Где-то в его голове, в мозге, что-то росло и отнимало жизнь. Ему не было страшно, но рассудок отказывался принимать это запредельно непонятное — небытие.

Рядом с ним своим чередом шла обычная жизнь больничной палаты. Все шесть коек были заняты и никогда не пустовали. Заходили и выходили родственники других больных, медсёстры, санитарка выносила пахнущие мочой утки. Врачи появлялись в основном утром, иногда к вечеру. Валера не обращал внимания на это бесконечное движение, не вслушивался в разговоры, которые навязчиво лезли в уши и начинались одной и той же фразой: «Привет. Ну как ты?» — этот вопрос задавали все, кто приходил навестить находящихся на лечении обитателей палаты. Иногда становилось очень тихо. Все звуки исчезали. Даже не было слышно движения в коридоре. Валера открывал глаза и видел перед собой белую пелену. То ли стенка становилась туманом, то ли туман накрывал её, как иногда казалось ему. Накатывающая на его сознание туманная пелена была почти осязаема кожей лица, она была тёплой и липкой. В это время Валере становилось немного легче. Вспоминалась жена: «Как она там?» Вчера вечером она ему звонила, рассказывала или даже пересказывала прошедший день. На сына никогда не жаловалась, говорила о нём вскользь. Не болеет — и то ладно. Иустину шёл восьмой год — школьник.

Вдруг из пелены, окутавшей его, выплыл старый знакомый Василий. Он живёт где-то неподалеку. «Надо позвонить. Давно не общались. Поговорю хоть», — подумал Валера и начал искать сотовый телефон: повернув голову в противоположную сторону, пошарил левой рукой под подушкой, ища его; не найдя, начал щупать под одеялом, куда доставала рука. Наконец нащупал тёплую пластиковую коробочку телефона под боком. Поднеся телефон к глазам, начал искать нужный номер, неловко нажимая на кнопки.

Валера знал свой диагноз. Ещё когда он находился в Питере, доктор после обследования немногословно и без обиняков объявил: «Опухоль мозга. Поезжай домой».

Уже настроенный бизнес, приносящий ощутимый доход, пришлось оставить компаньону Гене и распрощаться с ним, похоже, навсегда. Перспектива наконец-то рассчитаться с долгами тоже рухнула. Прощание прошло буднично, без сантиментов и почти без разговоров. Пожали друг другу руки, Гена вопросительно и сочувственно посмотрел в глаза, ощутив болезненную вялость рукопожатия, повернулся и, как-то немного скособочившись, молча ушёл, не оборачиваясь.

По приезде домой стало ещё хуже. Отнялась правая половина тела, вся, вместе с рукой и ногой. Хлопотами жены его уложили в краевую больницу. Нейрохирург обнадёжил операцией. Тогда погрезилось, что откроют череп и достанут, как из шкатулки, лишнее, болезнь уйдёт, жизнь вернётся в прежнее русло. Правая рука зашевелится, нога пойдёт, и всё будет по-старому.

Отступление второе

Первая встреча с Валерой произошла лет шесть-семь назад, не припомню уже точно. Тогда, гонимый своей страстью и по наводке моего школьного приятеля, я оказался в антикварной лавке заштатного городка N. Моя страсть относительно безобидная — я коллекционер. Из сонма оттенков этого захватывающего занятия часть моей души и сознания заняла нумизматика. Ну вот, ещё немного — и я уйду в сторону от основного моего повествования о Валере.

У дверей лавки меня встретил молодой мужчина, коренастый, круглолицый, широкая улыбка показывала ряд

крепких зубов. Его возраст явно не превышал сорока лет. Руки не выдавали его принадлежности к людям, зарабатывающим хлеб насущный посредством кувалды или тем более сохи. Во всём его внешнем виде и разговоре, поведении чувствовалось, что жизнь удалась. Он явно наслаждался своим положением хозяина лавки и успешного бизнесмена.

Представились. Рукопожатие выдавало силу, что соответствовало всему его облику. Не качок, но от природы сильный человек.

В этом полуоткрытом сообществе не принято сразу брать быка за рога. Реверансы закончились парой рюмок коньяка и чашек хорошего кофе, сваренного в медной турке тут же, на миниатюрной плитке. Общение было приятным и лёгким. Всё завершилось сделкой с полным удовлетворением сторон. Мы тепло попрощались и обменялись номерами телефонов.

Отступление третье

Однажды, пожалуй, года два назад, я услышал в телефоне знакомый голос, и мы договорились о встрече.

Вид у Валеры был довольно потрёпанный. На расстоянии рукопожатия отчётливо несло перегаром.

Не подавая вида, что заметил перемены в его облике, спросил:

— Как дела?

— Не очень,— несколько смущённо ответил Валера.

— Чем занят сейчас?

— Ищу работу.

— Успешно?

— Нет. Может, ты чем поможешь?

— Кстати, Валера, никогда не спрашивал тебя: какое у тебя образование? Специальность? — отвечая вопросом на вопрос, спросил я.

— Десять классов и только армейская специальность — повар я. Когда-то даже проходил курсы повышения квалификации и немного поработал в общепите.

В моей голове начали роиться вопросы, особенно один: как произошёл его теперешний дауншифтинг?

— И всё-таки — чем сейчас зарабатываешь на хлеб насущный?

— Да с друзьями-узбеками на складах грузы таскаем.

— Ну и как доход? — нисколько не имея в душе желания обидеть его, спросил я.

Возможно, чувствуя мой неприкрытый интерес к его положению или желание выговориться, Валера отвечал на мои вопросы быстро, не задумываясь.

— Дошло, конечно, особенно по сравнению с тем, что я имел. Ну да Бог с ним, с прошлым.

— Хорошо, ты снова поваром можешь стать? Тепло и сытно.

— Конечно! — воскликнул он, оживившись.

— Тогда завтра созвон. Поговорю с человеком.

— Хорошо. Займёшь мне немного денежек? При случае отдам. Еды куплю.

«Эк тебя, брат, прищемило-то, — подумалось мне. — Ну, как говорится, толцые — и отверзнется, просите — и обрящете».

— А давай вместе купим! — предложил я.

«Иначе пропьёт же».

Чуть сморщив нос, он коротко кивнул головой. Вероятно, я всё-таки угадал его мысли насчёт выпивки.

Мы зашли в супермаркет, благо весь наш разговор происходил почти на пороге магазина. Недолго побродив между полками супермаркета, набрали всякой всячины, едва вошедшей после в большущий пакет. И уже почти у кассы Валера спросил:

— Пива купишь? — и, немного замявшись, продолжил: — И сигарет... и зажигалку.

Я оплатил покупки, и мы вышли из магазина.

— Завтра непременно позвони мне, — напомнил я.

— Обязательно, — ответил Валера. — Подержи, — и передал мне увесистый пакет.

Прикурил сигарету и с наслаждением затянулся, прикрыв глаза.

«Вот оно и удовольствие. Много ли надо для этого?» — позавидовал я — уж очень смачно он затянулся.

— Позвоню обязательно. Работа очень нужна. И спасибо, выручил. Сегодня пир будет.

Пожав друг другу руки, мы разошлись каждый по своим делам: Валера — пировать со своими узбекскими

коллегами, я — домой, чтобы сесть на диван напротив телевизора с пультом в руке.

Мне довольно быстро удалось договориться со знакомым начальником геологической партии и устроить Валеру в геологическую экспедицию — конечно, поваром. Перед его отъездом куда-то на Север, в тайгу, мы ещё раз пересеклись накоротке, а встретились уже поздней осенью, после его возвращения. Вид у него был вполне довольный и упитанный. Засев в кафе, мы продолжили разговор, прерванный его отъездом в экспедицию.

— Чем ты раньше занимался, после армии?

— Да так, мышковал по мелочам, то-сё,— неопределённо ответил Валера.— Я же некоторое время жил в Эмиратах. Тоже не мёд. Посуды-то помыл по ресторанам — ой-ё-ёй! Хотя и с шейхом дружил, в гостях бывал у него. Представляешь, и в их тюрьме сидел — нарушил сухой закон однажды,— смеётся.— У них с этим строго. Хорошо хоть не выслали сразу. Вернулся домой, потихоньку организовал свой бизнес как реализацию своего давнего хобби — нумизматики. Выменивал, скупал, продавал. Дёшево доставалось — навар был хороший, всучат чего — в минус уходил. Научился постепенно отличать настоящую старину от новодела. Читать пришлось много. Бизнес этот в основе полукриминальный. Ворованное точно скупал, догадывался, никогда не спрашивал. Пьяный люд продавал бабушкины вещи за копейки, вполне ценные вещи, не зная того. Грешил и рисковал. Но деньги же не пахнут. Постепенно появились солидные покупатели со страстью к коллекционированию, да и просто решившие вложить деньги в нетленные ценности с перспективой. Вот и мне однажды показалось, что наткнулся на кубок Фаберже. Всего на сто тысяч долларов кинули.

Валера вдруг замолчал, вынул из пачки очередную сигарету и закурил.

— Как твой бизнес сейчас? — спросил я Валеру, намекая на его антикварную деятельность.

— Я разорён. Миллионные долги.

Его лицо стало очень грустным. На мгновение мне показалось, что он сейчас заплачет, но он очень быстро справился и продолжил, вложив в слова какую-то обречённость:

— Слушай! Возьми меня в рабство! Только оплати долги — и бери меня в рабы!

Я откровенно ошалел от такого предложения.

— Долги-то какие? — проявляя интерес, спросил я.

— Пять миллионов русских денег всего.

— Шутник ты, однако!

Валера кивнул головой и как-то в безнадежности опустил её.

— Жизнь продолжается, дружище, — только и смог я ему сказать.

— Если не убьют, — как-то совсем потусторонне ответил он.

Отступление ещё одно

Я вспомнил ещё одну из наших встреч, произошедшую годом раньше, события которой стали понятны в контексте его теперешнего положения.

Звонок застал меня на работе.

— Привет Василий!

— Привет. Не могу понять: кто звонит? Голос не узнаю.

Речь была несколько невнятной, как будто человек говорил, плотно сжав зубы.

— Это я, Валера. Антиквар, — с тем же акцентом проговорил абонент.

— Ага! Понял!

— Ты можешь ко мне прийти в ближайшее время?

— Куда? — я встревожился.

— В краевую больницу.

— Как срочно?

— Приходи, когда сможешь.

— Хорошо, — ответил я.

«Больница — не самое лучшее место на свете. Наверное, что-то неладно», — подумалось мне, я же врач.

Наконец, дождавшись конца рабочего дня, я быстро оказался на территории больничного парка.

Валера объяснил, что два дня назад его прооперировали в стоматологическом отделении и сейчас его челюсти шинированы. Верхняя и нижняя связаны проволочками — рта не раскрыть, что и стало причиной нарушения речи.

— Что стряслось-то? — задал я свой вопрос, тревоживший меня с момента звонка.

— Перелом в двух местах.

— Сильно били? — озвучил я свою версию причины пребывания в больнице.

— Очень сильно. Потом расскажу.

В его взгляде мне показались обречённость и грусть одновременно.

Соблюдая такт, я перевёл разговор в другую плоскость.

— Палата удобная?

— Очень. Люкс. Я её оплатил.

«Ага! Денежки, значит, водятся», — вычислил я его материальное положение.

Так проговорив ещё минут тридцать, мы распрощались и встретились снова в этой же больнице.

Эпилог

Я смотрю на его бледное, утомлённое лицо. Пергаментная сухость и сероватый оттенок кожи делают его стариком. Глаза полуприкрыты и неподвижны, мутная густая слезинка прилила к уголку глаза. Чувствую, что от моего присутствия Валера устал.

Вдруг он открыл глаза, пристально посмотрел на меня, как будто что-то вспоминая, медленно проговорил:

— Не уходи, посиди ещё немного, — и, помолчав, добавил: — Спасибо за квас.

Затем снова прикрыл глаза.

Не говоря ничего, я кивнул и посидел ещё несколько минут, пожал его парализованную правую руку. Она была тёплой и неподвижной. Я даже не знаю, почувствовал ли он моё прикосновение.

— Пошёл я, Валера. Отдыхай. Даст Бог, свидимся.

Он молча, едва заметно кивнул, прощаясь со мной.

Я тихо вышел из палаты, погрузившись в свои мысли: «Неужели мне пришлось исполнить его последнее желание?»

Ночью Валера умер.